

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи:

Долгая улица № 13, въ зданіяхъ Варшавскаго Кафедральнаго Собора при Консисторіи.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходитъ два раза въ мѣсяць: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Правительствующему Сенату.

Манифестомъ 19-го февраля 1861 года блаженныя памяти Родитель Нашъ Государь Императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Съ распространіемъ, согласно сему манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ, на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ, повелѣваемъ привести и крестьянъ наравнѣ со всѣми вѣрными Нашими подданными къ присягѣ въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего указа Нашего надлежація распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ,
1-го марта 1881 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

Отъ 16-го января — 19 февраля 1881 года о злоупотребленіяхъ по производству сборовъ на нужды церквей въ нѣкоторыхъ епархіяхъ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: дѣло о злоупотребленіяхъ по производству сборовъ на нужды церквей въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. Приказали: въ виду часто повторявшихся въ послѣднее время случаевъ злоупотребленій со стороны сборщиковъ добровольныхъ пожертвованій на нужды церквей по выдаваемымъ на сей предметъ изъ духовныхъ консисторій книгамъ и въ предупрежденіе на будущее время повторенія подобныхъ злоупотребленій, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: подтвердить епархіальнымъ начальствамъ, чтобы при выдачѣ книгъ для сбора добровольныхъ приношеній на нужды церквей духовныя консисторіи руководились точнымъ смысломъ 34 ст. и примѣч. къ ней уст. пред. прест. т. XIV свод. 1876 г., ст. 55 уст. дух. конс. и циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 30 сентября 1861 г. При семъ предписать, чтобы выдача сборныхъ книгъ изъ консисторій производилась съ самымъ ограниченнымъ числѣмъ ст. крайнею осмотрительностію и лишь на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей церквей, съ тѣмъ притомъ, чтобы сборщики были исключительно изъ мѣстныхъ прихожанъ, избранныхъ обществомъ съ согласія причта и одобренныхъ мѣстнымъ уѣзднымъ полицейскимъ начальствомъ со стороны поведеніи и

благонадежности. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовныя консисторіи обязать строго наблюдать за отчетностію и употребленіемъ собираемыхъ суммъ согласно ихъ назначенію. О чемъ для руководства и исполненія дать знать по духовному вѣдомству чрезъ припечатаніе выписки изъ сего опредѣленія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

1. Богослуженіе въ кобылянской церкви за упокой въ Бозѣ Почившаго Государя Императора.

7 марта въ субботу въ Покровской церкви села Кобылянкъ Сѣдлецкой губерніи Вѣльскаго уѣзда мѣстнымъ священникомъ отслужена Литургія и потомъ панихида за упокой въ Бозѣ Почившаго Государя Императора Александра II. При этомъ богослуженіи, кромѣ войта гмины и другихъ лицъ, присутствовало болѣе 130 прихожанъ; братчики во время всего богослуженія стояли съ зажженными свѣчами. По окончаніи литургіи предъ панихидой настоятелемъ церкви произнесена краткая рѣчь, въ которой перечислены главнѣйшія преобразования, введенныя по волѣ Почившаго Государя для блага подданныхъ. Глубокая скорбь о неощущенной утратѣ, понесенной русскимъ народомъ, отпечатлѣвалась на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ при означенномъ богослуженіи и вызывала въ нихъ молитвенныя воздыханія о упокоеніи души Почившаго. По выходѣ изъ церкви народъ долго еще оставался на церковномъ погостѣ, не смотря на дождливое время.

2. Освященіе церквей.

Съ разрѣшенія преосвященнаго Модеста епископа Люблинскаго, благочиннымъ II Томашовскаго округа въ сослуженіи двухъ священниковъ 14 декабря прошлаго 1880 года освящена обновленная церковь въ с. Лыкошинѣ, приписная къ наброжскому приходу. При освященіи церкви присутствовало болѣе 1000 богомольцевъ. На обновленіе сей церкви, а также на пріобрѣтеніе запрестольной иконы, и облачений на престоль, жертвенникъ и аналогіи отпущено изъ церковно-строительнаго капитала 335 руб. 24 коп. и прихожанами пожертвовано 164 руб. 76 коп.

15 декабря прошлаго 1880 года благочиннымъ I Грубешовскаго округа въ сослуженіи двухъ священниковъ освящена во имя преображенія Господня церковь въ селѣ Чомовѣ. При этомъ священнодѣйствіи присутствовало до 250 богомольцевъ, изъ коихъ это челоѣкъ исповѣдывался и Св. Таинъ причастились. Церковь Чомовская построена въ 1871 году на счетъ прихожанъ, употребившихъ на эту постройку съ иконостасомъ и колокольною 1300 рублей; сверхъ—того тѣже прихожане снабдили свою церковь священническими и напостольными облаченіями, подовѣчниками, хоругвями и дарохранительницею.

Съ разрѣшенія преосвященнаго Модеста епископа люблинскаго, благочиннымъ I Томашовскаго округа въ сослуженіи двухъ священниковъ 26 декабря прошлаго 1880 года, освящена приписная къ Лосицкому приходу церковь въ селѣ Шароволѣ. На это священнодѣйствіе собралось изъ мѣстныхъ и соседнихъ прихожанъ столько богомольцевъ, что не все изъ нихъ могли помѣститься въ церкви. Въ названной церкви произведено переустройство алтарной части, по уставу православной церкви; престоль и жертвенникъ устроены новые и покрыты парчевыми облаченіями цѣною въ 50 руб.; полъ сдѣланъ также новый, возвышенный на полъ аршина. Такое переустройство Шаровольской церкви при даровой со стороны прихожанъ работѣ и доставкѣ матеріала обошлось въ 85 рублей, пожертвованныхъ прихожанами.

3. Награжденіе набедренникамъ.

Архипастырскою Его Высочайшаго Преосвященства резолюціею 14 минушаго марта на представленіи преосвященнаго Модеста епископа Люблинскаго, священникъ села Серебрища I Холмскаго благочинническаго округа Іоаннъ *Полорецкій*, за весьма ревностное исполненіе пастырскихъ обязанностей награжденъ набедренникомъ.

Редакторъ, Протоіерей I. Корневскій.

ОТДѢЛЪ II.

С Л О В О

въ недѣлю Крестопоклонную, сказанное Высочайшимъ Преосвященнымъ Леонтіемъ, Архіепископомъ Холмско-варшавскимъ въ Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ 15 марта 1881 г.

Иже хощетъ по мнѣ идти, да отвержется себѣ, и возьметъ крестъ свой, и по мнѣ придетъ (Марк. 8, 34).

Вотъ сущность дѣятельнаго христіанства! „Отвергнись себя, подклони свою волю подъ благое иго Христова, подчини себя закону евангельскому, устрани отъ себя грѣховное самолюбіе и своекорыстіе, живи для Бога и для ближнихъ, исполняй обязанности своего званія безукоризненно, добросовѣстно, съ терпѣніемъ и упованіемъ, переноси посылаемыя тебѣ скорби, несчастія, злословія съ благодушіемъ, борьбу со зломъ и порокомъ съ твердостью и постоянствомъ, и тогда будь увѣренъ, что ты идешь по стопамъ Господа своего I. Христа, и послѣдуя за Нимъ обрѣтешь счастье временное и вѣчное“.

Господь никого не принуждает къ самоотверженію, къ несенію креста въ слѣдъ Его; но разъ увѣровавшіе въ Него, разъ давшіе обѣтъ быть послѣдователями Христа уже обязали сами себя и быть таковыми. Таковы ли мы однакожь всѣ? Живемъ ли мы и дѣйствуемъ не по самолюбію, не изъ за личныхъ выгодъ, а по любви, заповѣданной намъ Господомъ, для блага общественнаго, и готовы-ли положить душу свою за други своя? Исполняемъ ли мы долгъ своего званія такъ, чтобы совѣсть наша не упрекала насъ въ небрежности и опущеніяхъ по исполненію обязанностей? Ведемъ ли настойчиво борьбу и съ своими порочными наклонностями, и со зломъ, заражающимъ общество? Пусть каждый отвѣтитъ на эти вопросы въ своемъ сердцѣ безпристрастно, тогда увидитъ, имѣетъ ли онъ самоотверженіе христіанское, несетъ ли онъ крестъ свой за Господомъ.

Волей—неволей, всѣ живущіе на землѣ люди испытываютъ многообразныя бѣдствія, несутъ крестъ. Но только христіанину возможно нести его съ благодушіемъ, терпѣніемъ и упованіемъ на воздаяніе за терпѣніе, въ жизни будущей. Безъ вѣры во Христа Спасителя, безъ руководства Его примѣромъ и евангельскими наставленіями, страданія только удручаютъ, подавляютъ челоѣка своею тяжестью; тогда какъ самыя тяжкія бѣдствія христіанина, проникутаго вѣрою во Христа и любовью къ Нему, не только удобопереносимы, но доставляютъ и утѣшеніе сердцу, непонятное для невѣрующихъ (Іак. 1, 2—4). У каждаго изъ насъ, христіане, есть свой крестъ, свое горе, свои скорби и бѣды въ разное время нами испытываемыя. Несите же бремя своихъ скорбей за Христомъ съ терпѣніемъ и благодушіемъ, въ чаяніи вѣчной радости. Вѣрно слово Господа: *блаженнѣ плачущіи, яко тѣи утѣшатся* (Мѡ. 6, 4).

Братія и сестры о Господѣ! По неповѣдимымъ путямъ Божиимъ, на всѣхъ насъ, на всю Россію наложена теперь общій крестъ, тяжесть котораго трудно и измѣрить. Нынѣ, въ этотъ самый часъ, совершается въ сѣверной столицѣ Россіи погребеніе тѣла приснопамятнаго, благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II. И велико, безмѣрно велико наше горе. Первая вѣсть о смерти великаго Государя такъ сильно поразила насъ, что трудно было и говорить и даже плакать. Но и теперь горе не умалается, и хотя изливается въ слезахъ, бремя его давитъ сердце, какъ тяжелый камень. Пусть бы естественная смерть постигла вѣнценоснаго благодѣтеля Россіи, мы могли бы легче переносить несчастіе. Но быть убитымъ на улицѣ, въ своей столицѣ, среди бѣлаго дня отъ руки злодѣевъ, слыханое ли это дѣло? Гдѣ примѣръ въ исторіи? О, позоръ, страшный позоръ палъ на всю Рос-

сію. Мученическая кончина Царя, двадцать шесть лѣтъ надѣлявшаго своихъ подданныхъ благодѣянiami, какихъ не сдѣлалъ ни одинъ изъ Его предшественниковъ, изумила весь міръ, и вызвавъ удивленіе всѣхъ, вызвала и благовѣрное поклоненіе останкамъ Его со всѣхъ концовъ міра. Выраженія скорби и чувствъ признательности къ почившему въ Бозѣ Государю, какихъ еще не бывало, свидѣтельствуютъ о величій Его. Великъ Онъ и предъ Богомъ, какъ Царь, удостоенный вѣнца мученическаго.

Гдѣ же искать намъ утѣшенія въ скорби общей? Прежде всего, конечно, въ молитвѣ за Усопшаго; и мы молимся, и будемъ молиться. Но есть утѣшеніе и въ назиданіи, какое дается намъ несеніемъ креста почившимъ въ Бозѣ Монархомъ. Путь царствованія Усопшаго былъ тернистъ. Всѣ преобразованія Его, облагодѣтельствовавшія Россію, требовали труда, терпѣнія, самоотверженія, борьбы настойчивой и упорной. А многократныя покушенія на жизнь Помазанника, покушенія отъ которыхъ спасала Его видимо только десница Божія? Не могли онѣ не отзываться въ сердцѣ Его глубокою горестію и горечью, когда и насъ всѣхъ повергали въ скорьбь. Однакожь покойный Императоръ съ терпѣніемъ и благодушіемъ несъ крестъ свой, твердо и неуклонно исполнялъ долгъ свой. Онъ не измѣнилъ своего добраго христіанскаго характера во всю жизнь; Онъ не ожесточился отъ покушенія злодѣевъ, вѣрнѣе Себя воля Божіей, и не переставалъ заботиться о благѣ и счастья народномъ. Любовь Его къ намъ всѣмъ была глубока и широка до конца жизни. И послѣднія минуты Его жизни посвящены были заботливости о раненыхъ первымъ взрывомъ гибельнаго снаряда. Можно ли не удивляться такому самоотверженію, такой любви христіанской? Милосердый Царь забываетъ объ опасности своей жизни, чтобы оказать помощь пострадавшимъ отъ взрыва, и Самъ падаетъ жертвою отъ другой злодѣйской руки, направившей новый взрывъ. *Больши сѣя любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя.* (Іоан. 15, 13). Поистинѣ усопшій Государь потерялъ мученическую кончину, заботясь о благѣ своего народа, которое было цѣлію всего продолжительнаго Его царствованія.

О если бы мы всѣ ревностно исполняли свой долгъ по христіански, и руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ не самолюбіемъ, не своекорыстіемъ, а самоотверженіемъ, любовью къ своему долгу, благорасположеніемъ къ пользѣ общей! О если бы несли мы крестъ свой, какъ подобаетъ послѣдователямъ Христа! Великое было бы тогда благо для всего государства русскаго.

Молясь нынѣ о почившемъ въ Бозѣ Государѣ, оплакивая Его кончину, почтимъ память о Немъ—

обѣтомъ—жить и дѣйствовать съ самоотверженіемъ. Исполняя сей обѣтъ, мы исполнимъ въ точности и присягу, данную нами недавно новому нашему Государю Императору Александру III, и тѣмъ общими силами облегчимъ Его труды, для благоденствія нашего отечества. Да будетъ такъ! Аминь.

Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы.

(Продолженіе *).

Представимъ теперь латинское ученіе о грѣхѣ и отношеніе къ нему ученія о непорочномъ зачатіи Богородицы. Начнемъ съ постановленій Тридентскаго собора.

Постановленія этого собора, направленные противъ протестантовъ, гласятъ слѣдующее:

1. Кто не признаетъ, что первый человѣкъ Адамъ, преступивъ въ раю заповѣдь Божию, тотчасъ потерялъ *святость* и *праведность*, которыя были ему дарованы, и вслѣдствіе сего преступления подпалъ гнѣву и негодованію Божию, и посему смерти, которою прежде угрожалъ ему Богъ, и съ смертію илѣненію подъ власть того, кто имѣлъ потомъ державу смерти, т. е. діавола, и кто не признаетъ, что вслѣдствіе преступления Адамъ весь и по тѣлу и по душѣ измѣнился въ худшее: *анаѣма да будетъ*.

2. Кто утверждаетъ, что преступленіе Адама причинило вредъ ему одному, а не вмѣстѣ и его потомству, что полученныя имъ отъ Бога и утраченныя *святость* и *праведность*, утратилъ онъ самъ для себя, а не вмѣстѣ и для насъ; или что онъ, оскверненный грѣхомъ непослушанія, передалъ всему человѣческому роду только смерть и наказанія тѣлесныя, а не вмѣстѣ и грѣхъ, который есть смерть души: *анаѣма да будетъ*; ибо противорѣчитъ словамъ Апостола: *единъмъ челоувѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся челоувѣки вниде, въ немъ же вси согрѣшиша*.

Кто отвергаетъ, что по благодати Госнода І. Христа, даруемой въ крещеніи, отпущается вина (*reatum*) первороднаго грѣха, или утверждаетъ, что не уничтожается все, имѣющее истинное и собственное свойство грѣха, а только сглаживается, или не вмѣняется: *анаѣма да будетъ*. Ибо въ возрожденныхъ ничего Богъ не ненавидитъ, ничего нѣтъ подлежащаго осужденію въ спогребшихся со Христомъ крещеніемъ въ смерть, ходящихъ не по плоти, но

совлекающихся ветхаго челоувѣка и облекающихся въ новаго, созданнаго по Богу, содѣлавшихся невинными, непорочными, чистыми, неповинными и возлюбленными Богу, наслѣдниками Божиими и онаслѣдниками Христовыми, такъ что ничто не задерживаетъ ихъ отъ вступленія на небо. Св. Соборъ исповѣдуетъ и знаетъ, что въ крещенныхъ пребываетъ похоть или удобовоспляменяемая склонность (*fomes*); она поелику оставлена для борьбы, не можетъ *вредить* несогласующимся съ нею, но мужественно борющимся по благодати І. Христа; напротивъ еще, кто законно будетъ подвизаться, увѣнчается. Св. Соборъ возвѣщаетъ, что эту похоть, которую иногда Апостоль называетъ грѣхомъ, вселенская Церковь никогда не называла грѣхомъ въ томъ смыслѣ, что оно въ возрожденныхъ есть истинно и собственно грѣхъ, но въ томъ, что она отъ грѣха и влечетъ ко грѣху. Кто будетъ думать противное: *анаѣма да будетъ*¹⁾.

Въ этихъ опредѣленіяхъ не совсѣмъ ясно, точно и опредѣленно выражены нѣкоторые понятія. Такъ въ первомъ и во второмъ постановленіяхъ не совсѣмъ опредѣленно выражены понятія *святость* и *праведность*, а между тѣмъ въ ученіи о непорочномъ зачатіи онѣ имѣютъ весьма важное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понимаются эти свойства первобытной природы челоувѣка. Понимаются ли онѣ въ смыслѣ его нравственно-свободнаго приобрѣтенія, или въ смыслѣ совершенствъ только его природы? На соборѣ по поводу этихъ словъ были возраженія и споры, разсуждали: Адамъ сотворенъ ли былъ *святимъ* и *праведнымъ*, или послѣ заслужилъ эти качества? Ясно, что понятія эти на соборѣ были неопредѣленны, неясны, такими остались они и въ опредѣленіяхъ. Въ пятомъ постановленіи несовсѣмъ точно и опредѣленно выражены плоды крещенія и любовь Божія къ вышедшимъ изъ купели крещенія. Во первыхъ, несправедливыя слова, что „въ возрожденныхъ ничего Богъ не ненавидитъ, ничего нѣтъ подлежащаго осужденію“ и т. д. Всякій слѣдъ грѣха, всякое поврежденіе природы, въ какой бы формѣ мы ни представляли оное, хотя бы въ формѣ *fomes*, т. е. удобовоспляменяемаго вещества грѣха, не можетъ *правиться* Богу. На этомъ то представленіи остатка грѣха въ душѣ крещющагося, какъ скверны, какъ похоти, какъ чего-то ненавистнаго Богу, и покоится весь догматъ непорочнаго зачатія. Поэтому-то и нужно было непорочное зачатіе св. Дѣвы Маріи, что иначе, еслибы оскверненіе грѣха перешло на Нее и еслибы похоть сообщилась Ей, хотя

*). См. № 1, 2, 3, 4, 5 и 6 Вѣстника.

¹⁾ Conc. Tridentini. Canones et decreta. Dr. Guil. Smets. 1843. Заезд. V, стр. 21—23.

бы и въ формѣ *fomes*¹⁾, Она бы не могла называться *непорочною* и не была бы *достойною* своего высокаго предназначения, какого Она удостоилась за непорочное зачатіе. Слѣдовательно остающееся у насъ послѣ крещенія *ничто отъ грѣха порочно и ненавистно* Богу и служить предметомъ неблаговоленія Божія. Такимъ образомъ догматъ непорочнаго зачатія стоитъ въ противорѣчій съ 5-мъ постановленіемъ Тридентскаго собора. Мы, православные, такъ и понимаемъ; послѣдствія первороднаго грѣха, остающіяся въ насъ послѣ крещенія, какъ то: удобопреклонность воли къ злу, склонность разума къ плотскому мудрованію, начала эгоизма и т. под., продолжаютъ быть ненавистными Богу, какъ и до крещенія²⁾. Но какъ же въ такомъ случаѣ понимать дѣйствіе крещенія? Оно, *дѣйствительно, омываетъ, освящаетъ, оправдываетъ* (1 Кор. 6, 11), по Апостолу, усыновляетъ насъ Богу Отцу и дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Христу, но все это нужно понимать въ смыслѣ снятія съ насъ виновности за первородный грѣхъ и за наши личные грѣхи и въ смыслѣ вмѣненія намъ смерти Христовой; все это есть только еще начало нашего спасенія, дѣйствіе крещенія должно продолжаться до самой смерти; мы должны жить такъ, чтобы благодать крещенія не была воспринята нами *вотще*. И послѣ крещенія мы можемъ ходить *по плоти*, но Апостолъ заповѣдуетъ ходить *по духу*, а не по плоти; и послѣ крещенія мы можемъ носить на себѣ образъ ветхаго человѣка, но Апостолъ заповѣдуетъ облекаться въ новаго человѣка, созданнаго по Богу; и послѣ крещенія мы можемъ совершать плотская и плотская мудрствовать, но Апостолъ заповѣдуетъ совершать дѣянія духа и горняя мудрствовать. Поэтому Апостолъ хотя и говоритъ, что мы наслѣдники Божіи и сонаслѣдники Христу, по въ то же время поясняетъ: *и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стесняемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего; ибо мы спасены въ надеждѣ* (Рим. 8. 17, 23, 24). Какимъ же образомъ Богъ воспріимлетъ насъ въ любовь свою? Въ силу нашей вѣры, нашего отреченія отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его и въ силу нашего обѣщанія сочетаться со Христомъ

и жить Его духомъ. Ибо, какъ прекрасно выражается св. Златоустъ: „Господь и расположеніе пріемлетъ, какъ самое дѣло“. Въ силу тойже вѣры совершается и крещеніе младенцевъ, ибо имъ Господь вмѣняетъ вѣру ихъ воспріемниковъ, какъ вѣкогда даровалъ исцѣленіе разслабленному, по вѣрѣ принесшихъ и спустившихъ его сквозь кровлю къ ногамъ Іисуса (Мр. 2, 5).

Итакъ Тридентскія постановленія по своей неопредѣленности еще не заключаютъ въ себѣ всѣхъ элементовъ, необходимыхъ для опредѣленія новаго ученія о непорочномъ зачатіи; скорѣе онѣ могутъ вызывать представленія противныя ему. Но эта неопредѣленность имѣетъ ту выгодную сторону для позднѣйшаго развитія, что не стѣсняетъ собою латинскихъ богослововъ. Изложеніе о первородномъ грѣхѣ, вполне приспособленное къ новому догмату, мы находимъ въ Катихизисахъ, употребляемыхъ теперь въ латинской Церкви. Возьмемъ Катихизисъ д-ра богословія Ваплера, одобренный самимъ папою Піемъ IX, и Катихизисъ еп. Мартина.

Въ Катихизисѣ д-ра Ваплера мы читаемъ:

Послѣдствія грѣха для самихъ прародителей были слѣдующія:

1) они тотчасъ, какъ скоро согрѣшили, утратили *святость* и *праведность*, которыми надѣлилъ ихъ Богъ, навлекли на себя гнѣвъ и негодованіе Божіе и впали въ *рабство и власть діавола*, чрезъ что сдѣлались причиною своей собственной вѣчной гибели (Рим. 5, 16);

2) они утратили и всѣ чрезвычайные дары, которые были соединены съ первобытною святостію, и кромѣ того повредились въ своихъ естественныхъ способностяхъ (были какъ бы ранены).

Потеря, которую они понесли, заключалась въ слѣдующемъ:

а) они потеряли ясное *пониманіе* и великую свою *мудрость*; — разумъ, *не просвѣщаемый болѣе сверхъестественнымъ способомъ*, омрачился, особенно въ предметахъ, относящихся къ Богу: отсюда попытка скрыться отъ Бога и оправдаться предъ Нимъ;

б) разумъ потерялъ свое господство надъ чувственностію, въ нихъ (т. е. въ первыхъ человѣкахъ) возникла похоть: т. е. чувственность получила преобладаніе, и настала непрерывная борьба чувственности съ разумомъ, тѣла съ духомъ; отъ этого-то пробудился въ нихъ стыдъ; *и воля не управляемая болѣе благодатію*, но покорная чувственности, ослабѣла въ дѣланіи добра, отвратилась отъ него и склонилась къ злу;

в) тѣло лишилось безсмертія; человѣкъ, *лишенный благодати, которая хранила его отъ болѣзней и смерти*, подвергся смерти и въ силу этого недугамъ, которые служатъ знаками и предвѣстниками смерти;

¹⁾ Тома Аквинатъ признавалъ присутствіе въ Богородицѣ *поготи связанной*, или *fomes*, но защитники догмата не дозволяютъ и такого малаго *допущенія*. Слѣдовательно похоть или *fomes* противны Божеству.

²⁾ Кажется, согласны съ нами и современные богословы. Авторъ, убѣжденный въ догматѣ, пишетъ: „Въ св. крещеніи грѣхъ первородный уничтожается въ такой мѣрѣ, въ какой сообщается крещающемуся благодать, равнаго достоинства съ *первобытною праведностію*. Съ этого мгновенія онъ перестаетъ быть виновнымъ предъ Богомъ, какимъ былъ догнѣнъ, хотя *оскверненіе плоти* остается“. Zum Lobe стр. 143.

г) они не были болѣе свободны отъ страданій и бѣдъ, утратили власть надъ всеми созданіями на землѣ и были изгнаны изъ рая.

Хотя человѣкъ палъ такъ глубоко и повредился такъ сильно, однако же въ немъ не былъ разрушенъ *образъ Божій*; онъ не могъ быть утраченъ, потому что принадлежащее природѣ утрачено быть не можетъ. Человѣкъ и по паденіи имѣлъ *разумъ* или способность познавать Бога и *свободную волю* дѣлать добро, хотя разумъ его затмился, а воля его склонилась къ злу.

Грѣхъ прародителей повредилъ не имъ однимъ, но и всему ихъ потомству. *Святость и праведность*, полученные отъ Бога, Адамъ потерялъ не для себя только, но и для насъ, и навелъ на весь родъ человѣческой не только смерть и тѣлесныя наказанія, но и грѣхъ, который есть смерть души (Рим. 5, 12, 19).

Грѣхъ Адамовъ путемъ естественнаго рожденія переходитъ на всѣхъ людей и *пристаетъ* къ каждому, происходящему отъ Адама, какъ бы его собственный грѣхъ. Св. Писаніе учитъ: *мы все... по естеству были чадами гнѣва* (Еф. 2, 3); *ибо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мѣ мати моя* (Пс. 50, 7).

Грѣхъ, перешедшій отъ Адама на весь родъ человѣческой, называется *наслѣдственнымъ грѣхомъ*. Онъ дѣйствительно есть грѣхъ наслѣдственный, если мы посмотримъ на него, какъ на проступокъ, который допустилъ Адамъ, какъ праотецъ и представитель человечества, а въ Адамѣ весь родъ человѣческой, и который переходитъ на всѣхъ людей путемъ естественнаго рожденія; если же мы посмотримъ на него какъ на *состояніе*, произведенное грѣховнымъ дѣйствіемъ, то онъ есть отъ грѣха образовавшійся *недостатокъ* (лишеніе) *естественной святости и праведности* (освящающей благодати), которыя человѣкъ долженъ имѣть по назначенію Божию.

Съ грѣхомъ Адамовымъ переходятъ на всѣхъ людей и всѣ послѣдствія и всѣ наказанія за этотъ грѣхъ. Послѣдствія и наказанія суть слѣдующія:

а) смерть души, т. е. недостатокъ сверхъестественной жизни въ общеніи съ Богомъ, а при этомъ потеря *смысленности* и *права* на наслѣдіе сверхъестественнаго блаженства на небесахъ;

б) слабость разума и воли, неохота къ добру, и удобопреклонность ко злу, съ чѣмъ соединена и злая похоть;

в) смерть тѣла и болѣзни, какъ ея предшественницы;

г) скорби и страданія;

д) рабство діаволу, который потому называется „княземъ міра сего“ (Іоан. 12, 31)¹⁾.

¹⁾ Katechismus Dr. Wappler въ чешскомъ перев. 1876, стр. 92—94.

Несмотря на видимое сходство, почти тожество этого изложенія латинскаго ученія съ изложеніемъ православнымъ, представленнымъ выше, въ немъ имѣется существенное различіе. Оно повторяетъ схоластическія воззрѣнія среднихъ вѣковъ и содержитъ всѣ элементы для ученія о непорочномъ зачатіи. Здѣсь грѣхъ понятъ только какъ потеря и недостатокъ благодати и какъ происходящее отсюда разстройство природы. По нашему представленію, возвращеніе благодати въ поврежденную и неисправленную природу не возстановитъ первобытнаго совершенства ея, какъ чистый воздухъ и пища не возстановятъ здоровья больного человѣка, требующаго лѣченія: нужно еще врачеваніе. По латинскому же воззрѣнію, стоитъ возвратить *освящающую благодать*, и тогда природа возстановится въ своихъ первобытныхъ совершенствахъ.

Что именно таково латинское вѣроученіе о грѣхѣ, это открывается изъ того, что за этимъ, такъ сказать, *официальнымъ*, общеобязательнымъ, катихизическимъ ученіемъ, имѣется еще другое *неофициальное*, необязательное для массы, тайноводственное ученіе, но которое собственно и даетъ тонъ и опредѣленіе всему разумѣнію латинскихъ богослововъ относительно ученія о первородномъ грѣхѣ. Это ученіе о *существованіи* первороднаго грѣха.

Вотъ какъ оно излагается въ Катихизисѣ епископа Мартина:

„Церковь учитъ, что всѣ естественные потомки Адама родятся оскверненными первороднымъ грѣхомъ, и что грѣхъ первородный есть настоящій и дѣйствительный грѣхъ, который не можетъ быть уничтоженъ никакимъ другимъ способомъ, какъ только единымъ посредникомъ нашимъ І. Христомъ. Но въ чемъ состоитъ *существованіе* первороднаго грѣха, о томъ она *опредѣленно* еще не высказалась, потому что это не необходимо для нашего спасенія. Она предоставляетъ наукѣ разсуждать о томъ, при чемъ полагаетъ ей нужныя границы, чтобы оградить догматы отъ поврежденія.

Знаменитѣйшіе богословы: Тома Аквинатъ (доминиканъ † 1274 года), Дунсъ Скотъ (францисканъ † 1308 г.), Беллярминъ (кардиналъ) и другіе полагали существо первороднаго грѣха въ томъ, что человѣкъ былъ лишенъ *освящающей благодати*, того сверхъестественнаго дара, по которому первый человѣкъ первоначально сдѣланъ былъ *святымъ* и *праведнымъ*, или въ томъ, что человѣкъ опять былъ возвращенъ въ состояніе *чистой естественности*, въ которомъ находился бы первый человѣкъ, если бы не пользовался высшимъ сверхъестественнымъ даромъ. (Мы уже видѣли это выше).

Чтобы легче понять и лучше взвѣсить этотъ взглядъ, нужно замѣтить слѣдующее:

Поелику человекъ сотворенъ для Бога, то воля его дотолѣ остается доброю и благоустроенною, пока онъ сохраняетъ въ душѣ своей любовь къ Богу; а онъ дотолѣ сохраняетъ любовь къ Богу, пока въ немъ есть освящающая благодать Божія. Но какъ скоро онъ теряетъ *освящающую благодать*, воля его на сколько отвращается отъ Бога, на столько же извращается сама въ себѣ. Полагая такимъ образомъ первородный грѣхъ въ потерѣ благодати Божіей или въ возвращеніи человека въ состояніе *чистой естественности*, поминутые богословы далеки отъ того, чтобы мыслить человека добрымъ по своей природѣ, или благоустроеннымъ въ естественныхъ своихъ силахъ, потому что во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій они утверждаютъ противное; но они хотятъ только низпровергнуть ложное мнѣніе реформаторовъ (это Тома-то и Дунсъ Скотъ?!), что будто бы человекъ утратилъ нѣкоторыя изъ своихъ естественныхъ силъ, или что въ его душу проникла какая то злая сила. Поэтому, говоря въ ихъ смыслѣ, можно еще рѣшительнѣе обозначить первородный грѣхъ *потерю освящающей благодати* Божіей, потерю, которая заключаетъ въ себѣ *извращеніе воли*.

„Поелику кромѣ того освящающая благодать такъ соединяла чувственную часть человеческого состава съ его духомъ, какъ духъ съ Богомъ, то съ потерю освящающей благодати наступила вмѣстѣ и дисгармонія между чувственностію и духомъ, обоими составами человеческого существа, или *похотствованіе тѣла на духъ*, словомъ *похоть*, а она, поэтому, какъ Мелеръ замѣчаетъ, не есть первородный грѣхъ, потому что грѣхъ и грѣховность имѣютъ свое сѣдалище въ одной волѣ, а только неизбежная сообщница грѣха¹⁾“.

Хотя этотъ взглядъ на существо первороднаго грѣха еще не узаконенъ латинскою Церковію, но онъ собственно опредѣляетъ собою смыслъ церковнаго ученія о первородномъ грѣхѣ и о непорочномъ зачатіи; ибо его держатся латинскіе богословы, а они-то и составляютъ учащую Церковь, которая объясняетъ догматы и преподаетъ ихъ вѣрующимъ.

Итакъ несомнѣнно, что первородный грѣхъ понимается латинскою Церковію какъ только *лишеніе* благодати съ происходящимъ *отсюда* разстройствомъ души, слѣдовательно только какъ отрицательное явленіе, какъ во время оно рѣшительно утверждалъ Майрони, ученикъ Дунса Скота.

Первый человекъ утратилъ освящающую благодать, какъ корень всякаго добра, всякаго порядка и всякаго совершенства; вмѣстѣ съ нею онъ утра-

тилъ первобытную *святость* и *праведность*; утратилъ *благодать*, которая *просвѣщала разумъ, укрѣпляла волю въ добръ и сохраняла тѣло отъ болъзней*, словомъ утратилъ первобытныя совершенства. Такъ учить Католицизмъ, одобренный папою. Еп. Мартинъ въ своемъ „Вѣроученіи“ дополняетъ это. Съ утратою благодати человекъ ниспадаетъ въ состояніе *чистой естественности*, а съ возвращеніемъ ея возвращается къ первобытному состоянію; она даруетъ душѣ жизнь сверхъестественную и благоустроитъ душу, чувственность покоряетъ разуму, разумъ Богу, а сердце наполняетъ любовью къ Нему. Какъ скоро потому возвращена благодать человеку, возвращался и весь порядокъ въ душѣ, и его основныя совершенства — *святость* и *праведность*.

Отсюда уже легко открыть связь этого ученія съ ученіемъ о непорочномъ зачатіи св. Дѣвы Маріи. Такъ какъ несомнѣнно, что она была еще исполнена Духомъ Святымъ во чревѣ матери, то это и нужно понять въ вышесказанномъ смыслѣ. Для чего Ей нужна была благодать? Чтобы очистить Ее? Она тѣ и сдѣлала. Она положила начало Ея сверхъестественной благодатной жизни; благоустроила Ея душу; чувственность покорила разуму, разумъ Ея покорилъ Богу; сердце наполнила любовью къ Нему, сдѣлала Ее *святою* и *праведною*. Словомъ *освящающая благодать*, дарованная Ей въ зачатіи, возвратила Ее къ первобытной *праведности* и *святости*. Такимъ образомъ непорочное зачатіе есть *восполненіе* недостатка *освящающей благодати*, или истребленіе *первобытнаго грѣха*. Такъ учатъ, какъ мы видѣли, и средневѣковые и новѣйшіе богословы. Припомните, что говоритъ базельскій Сеговія; по его ученію: „первородный грѣхъ есть ничто иное, какъ недостатокъ первобытной праведности, которая должна бы существовать въ человекѣ. Поэтому, если Богъ сообщаетъ душѣ своей Матери (какой неточный языкъ!) непосредственно послѣ или при самомъ твореніи *освящающую благодать*, то эта благодать заступаетъ мѣсто утраченнаго дара первобытной праведности, и потому о грѣховной винѣ не можетъ быть и рѣчи“¹⁾. Авторъ, убѣжденный въ истинѣ догмата, разсуждаетъ подобнымъ же образомъ: „Богъ въ первое мгновеніе бытія св. Дѣвы столь обильно одарилъ Ея душу благодатію, что восполнилъ недостатокъ, переходящій на души всѣхъ другихъ людей... *Ученія древнихъ учителей и новѣйшихъ*—это *одинъ и тотъ же тонъ въ болѣе простомъ и совершенномъ видѣ*, являющійся грубымъ и чудовищнымъ уху только тѣхъ, которые разучились подслушивать

¹⁾ Katol. Verouka Dr Konrada Martina, въ чешск. перев. 1871 г. стр. 49.

¹⁾ Joh. de Segovia, Septem allegationes circa S. V. Mariae immaculatam conceptionem. Studio et labore Petri de Alva et Astorga. Bruxeliis 1664. folio стр. 99. В. 110. А. 123. В.

сладкую колыбельную пѣснь о твореніи Богомъ каждой души въ отдѣльности и о дѣйствительномъ уничтоженіи охватывающей ее *скудости*, т. е. первороднаго грѣха, *благодатию*, которая таинственно сообщается въ крещеніи¹⁾.

Такимъ образомъ таинственная, скрытая отъ насъ сущность первороднаго грѣха открыта, объяснена и приведена въ согласіе съ догматомъ непорочнаго зачатія. Но вотъ, въ эту теорію не входятъ видимыя и осязательныя послѣдствія первороднаго грѣха, именно: бѣдствія, скорби и смерть, вообще порядокъ спасенія падшаго человѣчества; какъ ихъ привести въ согласіе съ непорочнымъ зачатіемъ? Несомнѣнно, что св. Дѣва Марія Богородица проходила вмѣстѣ съ нами скорбный путь жизни и въ концѣ подверглась даже смерти, этому знаку суда Божія; какъ же понять теперь отношеніе къ Ней земныхъ скорбей и смерти. По своей природѣ, возстановленной въ своей первобытной чистотѣ и въ своихъ райскихъ совершенствахъ, Она должна была подлежать и порядку райской, первобытной жизни; а между тѣмъ Она жила подъ осужденіемъ. Для чего же Ей нужны были скорби? Очевидно, онѣ не могли имѣть для Ней значенія ни знаковъ грознаго суда Божія, ни врачебно-исправительныхъ средствъ, ни свидѣтельства вѣрности Ея новому завету. Слѣдовательно, связь грѣха съ его послѣдствіями въ лицѣ Богородицы не существуетъ. Она страдала, но не за участіе въ грѣхѣ своего праотца; спрашивается: за что же?

Этимъ вопросомъ латинскіе богословы занимались прилежно, и не смотря на затрудненія, какія онъ представляетъ, дали на него свое смѣлое рѣшеніе. Припомнимъ прежде всего рѣшеніе Дунса Скота. Онъ говорилъ: „ходатай могъ бы умоливать Бога за когонибудь такъ, чтобы оставить ему только полезныя наказанія, а отъ бесполезныхъ освободить. Первородная вина не была бы полезна Маріи, напротивъ временныя наказанія были бы полезны (utiles), такъ какъ ими Она приобрѣтала себѣ заслуги”²⁾. Вотъ въ собственномъ смыслѣ мудрованія утонченнаго схоластика! Предположеніе о возможности такого или другого умоливанія, классификація наказаній на *полезныя* и *бесполезныя*, разсужденіе о первородной винѣ тоже какъ бесполезной и полезной и сужденіе объ ней, какъ о наказаніи, взглядъ на наказанія, какъ на средства для заслуги,

все это совершенно произвольныя, ни начесть не основанныя и ничего не объясняющія предположенія. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь хорошенько въ это: есть наказанія полезныя и есть наказанія бесполезныя, — первородная вина относится къ классу послѣднихъ, т. е. бесполезныхъ наказаній (какая странная логика!); потому св. Дѣва Марія была освобождена отъ нея. И это говорится въ ученіи о Богѣ и о тѣхъ путяхъ, которыми Онъ по своей мудрости, благодати и правосудію ведетъ насъ къ спасенію? Онъ ведетъ насъ путемъ скорбей, насылаетъ на насъ наказанія, и вотъ одному богослову кажется, что есть наказанія полезныя и есть наказанія бесполезныя; для св. Дѣвы Маріи первородная вина бесполезна и вотъ Онъ освобождаетъ Ее отъ нея; а насъ не освобождаетъ, потому, безъ сомнѣнія, что намъ эта вина полезна!! Не удивительно, что мыслили такъ латинскіе богословы въ старое доброе время, но странно то, что современные богословы ссылаются на эти мудрованія и вводятъ ихъ въ связь съ своими разсужденіями¹⁾.

Мысль Дунса Скота, что *полезныя* наказанія дали Богородице средства къ заслугамъ — развивается далѣе. Такъ авторъ, убѣжденный въ догматѣ и рекомендуемый еп. Мартиномъ, проводитъ эту мысль и разсуждаетъ такимъ образомъ: „скорби, бѣдствія и смерть не суть ли *наказанія* за грѣхъ по свящ. Писанію? Богородица не должна ли быть *еръшницей* (Sünderin), поелику Она имѣла въ нихъ участіе”. Здѣсь, во первыхъ, слово *наказаніе* употреблено безъ опредѣленія его смысла. Мы сказали, что *скорби, бѣдствія* и *смерть* — понимаются въ трехъ смыслахъ: и какъ въ собственномъ смыслѣ *наказанія*, и какъ врачебно-исправительныя средства, и какъ свидѣтельства нашей преданности и любви къ Богу; для возрожденныхъ онѣ понимаются въ двухъ послѣднихъ смыслахъ; такъ Ап. Павелъ говоритъ: „*хвалимся и скорбями, зная, что отъ скорби происходитъ терпѣніе, отъ терпѣнія опытность, отъ опытности надежда, а надежда не постыжаетъ, потому что любовь Божія излилась въ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ*“ (Рим. 5, 3—5). Или: „*если вы терпите наказанія, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ? Если же остаетесь безъ наказанія, которое всѣмъ обще, то вы незаконныя дѣти, а не сыны*“ (Евр. 12, 7. 8). Тотъ односторонній взглядъ, по которому земныя скорби и страданія понимаются какъ прямыя наказанія за грѣхъ, и притомъ по соотвѣт-

¹⁾ Zum Lobe, стр. 123.

²⁾ Mediator potest reconciliare aliquem, ut auferantur ab eo poenae sibi inutiles et relinquatur in poenis sibi utilibus. Originalis culpa non fuisset utilis Mariae; poenae temporales tamen fuerunt utiles, quia in eis meruit, igitur etc. Duns Scotus in librum 3 sententiarum. Distinctio 3. Qu. 1.

¹⁾ Авторъ, убѣжденный въ догматѣ, приводитъ эти слова Дунса Скота, одобряетъ его говоря: что „онъ справедливо замѣчаетъ.“ Allein Scotus macht mit Recht darauf aufmerksam... Zum Lobe стр. 47.

ствію съ нимъ, т. е. чѣмъ больше грѣхъ, тѣмъ больше наказанія и наоборотъ, чѣмъ тяжше скорби, тѣмъ тяжше преступленія вызвавшія ихъ, такой взглядъ давно осужденъ самимъ Господомъ въ лицѣ друзей Иова, которые доказывали своему другу, что онъ потому такъ страдаетъ, что долженъ быть великій грѣшникъ. Слово *грѣшница* тоже употреблено неудачно, потому что это слово вызываетъ весьма неблагоприятное для Богородицы представленіе. Но автору, какъ видно, это и нужно, чтобы получить отвѣтъ, какой ему желателенъ. „На первый изъ этихъ вопросовъ, пишетъ онъ, мы отвѣтили безъ раздумья: да, скорби, бѣдствія и смерть суть наказанія за грѣхи. Но другое дѣло второй вопросъ. Мы съ своей стороны спросимъ: былъ ли Христосъ когда нибудь грѣшникомъ? Конечно нѣтъ. Но если Онъ не имѣлъ никакого грѣха, а чрезъ свои страданія пріобрѣлъ заслуги, то что невѣроятнаго, что Та, которая терпѣла вмѣстѣ съ Нимъ и которой общія съ Нимъ страданія были заранѣе предсказаны, была удостоена того, что и Она съ своей стороны пріобрѣла вмѣстѣ съ Нимъ *заслуги* ¹⁾).

Какъ же понять эти заслуги? Мы знаемъ, что Христосъ Сынъ Божій пришелъ въ міръ, чтобы взять на себя грѣхи міра, и въ качествѣ Представителя, Ходатая и Спасителя рода человѣческаго, пострадать и умереть за насъ, чтобы чрезъ то даровать намъ жизнь и спасеніе. Вотъ Его заслуги! За кого же страдала и умерла Его Матерь, Пресвятая Дѣва Марія? Разумѣется, никто не скажетъ, что Она страдала и умерла въ качествѣ представительницы рода человѣческаго; въ такомъ случаѣ у насъ были бы два Спасителя, одинъ въ мужескомъ образѣ, а другой въ женскомъ, чего, конечно, латинскіе богословы не пріемлютъ, хотя и учатъ близко къ тому. Слѣдовательно, Она страдала и умерла за себя. Для чего же? Отвѣчаютъ: „чтобы пріобрѣсть заслуги“. Авторъ рассуждаетъ: „если св. Дѣва не была грѣшницей и страдала не за грѣхи свои, то какое другое значеніе имѣли для Ней скорби? Прочитайте 11-й стихъ 5-ой главы посланія Іакова: „*вотъ мы ублажаемъ тѣхъ, которые терпѣли. Вы слышали о терпѣннѣ Иова и видѣли конецъ онаго отъ Господа*“. Вотъ значеніе терпѣливо переносимыхъ страданій, которыя общи Христу и Его созданіямъ. Страданія производятъ блаженство, или какъ кратко учитъ Церковь, имѣютъ значеніе *заслуги*. Что это дѣйствительно такъ, пусть свободные отъ предразсудковъ евангелики прочитаютъ въ евангеліи Матѳея слѣдующій стихъ: *блаженнѣе изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное; блаженнѣе есте, егда поносятъ*

вамъ и изженутъ и режутъ всякъ золь глаголь, на вы ложуще, Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесахъ (Мѳ. 5, 10—12). Слѣдовательно, невинныя страданія даютъ право на награду, слѣдовательно, онѣ имѣютъ право на заслуги, онѣ суть заслуживающіяся“. Страданія св. Дѣвы были именно этими совершенно невинными страданіями. Ублаженіе, которое приличествуетъ Ей наче всѣхъ мучениковъ, свидѣтельствуетъ о томъ, именно, если сравнимъ слова вышеприведенныя съ тѣмъ, что Ей обѣщано. (Вѣроятно авторъ имѣетъ въ виду слова: „*ибо отнынѣ ублажать Мя вси роди*“).

Итакъ своими невинными страданіями св. Дѣва заслужила себѣ „ублаженіе, наче всѣхъ мучениковъ“ и высшую награду на небѣ. Но такимъ образомъ нисколько не разрѣшается затрудненіе. Значить, Она шла крестнымъ путемъ, назначеннымъ для всѣхъ падшихъ, и для всѣхъ спасаемыхъ; Самъ Христосъ раздѣлилъ участь падшаго человѣчества, какъ отвѣтственное за него Лицо. Значить и Богоматерь, или страдала какъ всѣ праведники, причастные первородному грѣху, и сама была причастна ему, или же не будучи причастна грѣху, страдала какъ Спаситель, въ качествѣ отвѣтственного лица за человѣчество, чего принять конечно нельзя. Это первое. Второе, — Она страдала, чтобы заслужить „*ублаженіе*“. Но всѣ скорби Ея и смерть ничего не могли прибавить къ тому высочайшему достоинству Богоматери, котораго Она удостоилась еще въ юности своей, и которое Она, говоря языкомъ латинскихъ богослововъ, не успѣла еще заслужить, или заслужила до перенесенія „*полезныхъ наказаній*“. Пресвятая Дѣва такъ именно и уразумѣла Духомъ Святымъ свое величіе и славу, когда на ублаженіе Елизаветы сказала: „*себо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди*, т. е. съ того времени, какъ *Господь призрѣлъ на смиреніе Ея* и Она содѣлалась *Матерію Господа*. (Лук. I, 48, 47, 43). Кромѣ того, по ученію самихъ же латинянъ, св. Дѣва въ самомъ зачатіи въ силу будущаго достоинства одарена была столькими дарами благодати, что еще тогда полнотою превосходила херувимовъ и серафимовъ. Что же могли прибавить къ этому еще земныя скорби и страданія? Въ третьихъ; любопытно бы знать: какъ думаютъ латинскіе богословы объ отношеніяхъ Богоматери къ скорбямъ? разумѣла ли Она, что скорби Ей суждены какъ заслуги ради будущаго Ея ублаженія и великой награды на небесахъ, или же не разумѣла? Съ точки зрѣнія латинскаго ученія нельзя дать отвѣта ни на тотъ ни на другой вопросъ; потому что если скажемъ, что разумѣла какъ заслуги, то Она вводила бы въ отношенія свои къ Богу отношенія расчета, наемничества; если же не разумѣла, то это

¹⁾ Zum Lobe, стр. 147.

значило бы, что Она страдала безъ разумѣнія и мысли, а если же разумѣла по своему, то это разумѣніе не согласовалось съ волей Божіей. Мы же съ своей точки говоримъ прямо и благоприлично, какъ для Ея величія, такъ и для славы Божіей: Она переносила всѣ скорби, страданія и самую смерть какъ *общій жребій всего падшаго человечества*,— какъ *общій законъ его спасенія*.

Впрочемъ авторъ убѣжденный въ догматѣ не досказываетъ своей главной мысли; другіе откровеннѣе. Отождествленіе злостраданій и смерти Богоматери съ злостраданіями Ея Сына приводитъ латинскихъ богослововъ къ тому, что они присвояютъ Богоматери ходатайственное и посредническое служеніе между нами и Богомъ. Своими злостраданіями Она приобрѣла заслугу — быть нашей Предстательницей и Посредницей на небѣ. Такъ разсуждаетъ д-ръ Ленцъ—въ своей Мариологии. „Св. Дѣва не желала не умереть; потому что Сынъ Ея и Спаситель благоволилъ умереть. Если св. Матерь жила жизнью Своего Сына, то кто же бы сталъ сомнѣваться въ томъ, что Она и умерла смертію Сына (значить, для искупленія грѣшнаго міра?). Она приносила Сына Своего, подобно Аврааму, въ жертву Богу“, потому и къ Ней латинскіе писатели относятъ слова, которыя Апостолъ относилъ Богу Отцу: „Она не пощадила своего собственнаго Сына, но предала Его за всѣхъ, какъ же съ Нимъ не даруетъ намъ и всего (Рим. 8, 32), потому что Сынъ Ея былъ для Ней все. Поэтому, продолжаютъ богословы, мы должны любить Ее больше всего, и послѣ Троицы и Преподобнаго Сына Ея Господа нашего Иисуса Христа, чтить Ее больше всѣхъ“¹⁾. Такимъ образомъ, дѣйствительно, отождествленіе злостраданій и смерти Богоматери съ злостраданіемъ и смертію Сына Ея приводитъ къ представленію о второмъ если не Искупителѣ, то Ходатаѣ и Посредникѣ въ лицѣ женщины, и къ Ея обоготворенію. Матерь Божія не желаетъ такой чести! Но объ этомъ предметѣ мы еще будемъ говорить.

Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что хотя сущность первороднаго грѣха и приложена къ ученію о непорочномъ зачатіи, но участіе Богоматери въ скорбяхъ временной жизни, на которыя осужденъ весь родъ человѣческій, не вяжется съ этимъ ученіемъ и остается необъяснимою несообразностію.

Итакъ общій выводъ разностей, существующихъ между Церквами въ ученіи о первородномъ грѣхѣ въ отношеніи къ Богоматери, можно представить въ слѣдующемъ краткомъ видѣ:

Православная Церковь учитъ: грѣхъ всеобщъ;

и такъ какъ онъ состоитъ не только въ лишеніи благодати, но и въ положительномъ поврежденіи природы человѣческой, для исправленія которой понадобился новый порядокъ жизни для спасаемаго человечества, именно порядокъ злостраданій и смерти, то исключенія изъ общаго закона не было. Св. Дѣва родилась съ поврежденной природой и потому подлежала общему порядку жизни осужденнаго, но спасаемаго человечества.

Латинская же Церковь гласитъ такъ: правда, грѣхъ всеобщъ, но такъ какъ грѣхъ состоитъ только въ лишеніи *освящающей благодати* и въ потерѣ первобытной *праведности* и *святости*, то исключеніе можно сдѣлать легко. Св. Дѣва получивъ эту благодать и эти первобытныя свойства, получила и исцѣленіе своей природы и сдѣлалась свободною отъ первороднаго грѣха, и если Она страдала на землѣ, то страдала не за участіе въ грѣхѣ своего праотца, не за свои грѣхи, которыхъ не было, но подобно Сыну для приобрѣтенія заслугъ, чтобы имѣть право на ублаженіе отъ всѣхъ людей, на славу на небѣ и на посредничество между Богомъ и родомъ человѣческимъ.

Мы сдѣлали уже заключеніе этой главы, а между тѣмъ ничего не сказали объ одномъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій прародительскаго грѣха, именно о власти діавола, послѣ перваго грѣха распространившейся надъ человѣческимъ родомъ. Между тѣмъ это послѣдствіе имѣетъ важное значеніе въ ученіи о непорочномъ зачатіи, потому что, какъ увидимъ послѣ, на немъ основывается одинъ изъ аргументовъ въ пользу этого догмата. Потому мы должны посвятить нѣсколько словъ и этому предмету.

Въ латинскихъ „вѣроученіяхъ“ власть діавола надъ человѣкомъ является необходимою, безусловною, такъ что всякій изъ рожденныхъ женами есть непремѣнно слуга, рабъ діавола,—по соучастію съ первороднымъ грѣхомъ. По этому и Пресвятая Дѣва Марія еслибы была причастна первородному грѣху,—хотьбы нѣкоторое время, хотьбы мѣсяць, день, часъ, минуту,—Она бы это время была слугою діавола, рабою его,—что невозможно.

На это мы должны замѣтить,—что а) власть діавола не безусловна на человѣкѣ, а ограничивается, съ одной стороны, благимъ, премудрымъ и всемогущимъ промышленіемъ Божиимъ о немъ, а съ другой собственнымъ изволеніемъ самаго человѣка.

б) Первый грѣхъ не далъ тотчасъ же діаволу власти надъ человѣкомъ, но открылъ ему доступъ въ міръ, даровалъ ему возможность расширить свое пагубное вліяніе на человѣка до власти, до господства надъ нимъ, и эта власть утверждается, поупущеніемъ Божиимъ, тѣмъ же путемъ, какъ совершился первый грѣхъ,—не насиліемъ, а хитростію, коварными вну-

¹⁾ Mariologia Lenza. стр. 222, 216.

шеніями, обольщеніями, а отсюда общимъ растлѣніемъ людей¹⁾.

в) Не нужно забывать, что вмѣстѣ съ осужденіемъ прародителей и ихъ потомства изречено было и обѣтованіе о спасеніи ихъ вѣрою въ обѣтованное сѣмя. Если грѣхъ вводилъ человѣка въ общеніе съ діаволомъ, давалъ ему возможность утвердить надъ человѣкомъ его тираническую власть; за то напротивъ вѣра въ обѣтованное сѣмя, даруи душѣ благодать Христову, ограничивала этотъ доступъ, а слѣдовательно и устранила господство діавола. Отсюда выходило, что хотя все люди по своему пропехожденію и по соучастію въ первородномъ грѣхѣ подлежатъ Божію осужденію,—доступу и воздѣйствію діавола, а потомъ въ стучаѣ личной и свободно-развившейся преданности грѣху—власти діавола,— но по обѣтованію Божію вѣрующіе изымались и изымаются изъ-подъ осужденія, выводятся изъ области грѣха, дѣлаются участниками благодати,—дѣти чревоносимыя — по вѣрѣ родителей, а взрослые—по собственной вѣрѣ, вмѣняемой имъ въ праведность. По этому все предъизбранные Божіи, напримѣръ, св. пророкъ Іеремія и св. Іоаннъ Креститель, хотя по участію во грѣхѣ прародительскомъ подлежали осужденію и доступу діавола, но по обѣтованію и по благодати Божіей съ самаго рожденія находились подъ благопрмыслительнымъ дѣйствіемъ спасающей любви Божіей; поэтому хотя они и причастны были грѣху Адама, но никакъ нельзя назвать ихъ чадами діавола, напротивъ за причастіе къ тайнѣ обѣтованія они всегда были чадами Божіими, какъ дѣйствительно и назывались допотопные пріемники обѣтованія.—Тѣмъ болѣе это должно сказать о св. Дѣвѣ Маріи, предъизбранной Матери Божіей.

Примемъ это къ свѣдѣнію, ибо объ этомъ предметѣ у насъ еще будетъ рѣчь впереди.

§ 2. Законъ первороднаго грѣха всеобщъ,—согласно учатъ обѣ Церкви и восточная и латинская, какъ мы видѣли это выше; — всеобщъ потому, что распространяется на всехъ потомковъ Адама въ нисходящемъ порядкѣ посредствомъ естественнаго происхожденія дѣтей отъ родителей.

Церковь Восточная не дѣлаетъ исключенія ни для кого рожденнаго отъ брака,—а латинская сдѣлала—для пресвятой Дѣвы Маріи. Какъ же понимается всеобщность распространенія грѣха Восточною Церковію и какъ —исключеніе—латинскою?

По ученію Христа Спасителя мы знаемъ только два рожденія, отдѣльныя одно отъ другого: одно—плот-

ское, другое — духовное. *Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ.* (Іоан. 3, 6). Безъ сомнѣнія, въ райскомъ благословеніи о размноженіи рода человѣческаго: *раститесь и множитесь*, давалось благословеніе не на одно только плотское рожденіе, но и на духовное: то и другое соединены были вмѣстѣ, такъ что рождаемый, вступая въ ви́шній Божій міръ, въ тоже время вступалъ бы въ завѣтъ и союзъ съ Богомъ, прямо становился бы членомъ благодатнаго царства Божія; потому что первобытная чета, чуждая грѣха, въ своихъ отношеніяхъ руководилась бы не беспорядочными движеніями плоти, какъ теперь, но желаніемъ возродить новыхъ членовъ завѣта съ Богомъ, произвести на свѣтъ новыхъ сыновъ Божіихъ, участниковъ райскаго блаженства. Почему должно думать, и потребность къ чадородію раскрылась бы въ нихъ уже тогда, когда бы они укрѣпились въ добрѣ, сознали и почувствовали всю сладость райской жизни. Таково мнѣніе святыхъ отцевъ. Иринеи пишетъ противъ еретиковъ: „надлежало имъ, Адаму и Евѣ, сперва созрѣть, и потомъ умножаться“¹⁾. Понятно, что такое чадородіе было бы благословенное; рождаемое дитя привлекало бы на себя то благоволеніе Божіе, которое изрекалось послѣ каждаго творенія, а послѣ сотворенія человѣка изречено было въ превосходной степени: *и се вся добра зъло* (Быт. 1, 31) и опочило на первыхъ человѣкахъ. Такое рожденіе было бы чисто и потому безболъзненно. Таковъ былъ райскій порядокъ чадородія²⁾. Но грѣхъ, разрушившій стройный порядокъ во всемъ составѣ человѣка и лишившій его самообладанія, простеръ свое разрушительное дѣйствіе и на порядокъ человѣческаго рожденія. Въ человѣкѣ возобладала похоть, которая воюетъ на духъ и оскверняетъ собою начало человѣческой жизни. Супруги въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ стали управляться не столько желаніемъ дѣтей, сколько естественными потребностями или беспорядочными хотѣніями плоти. Отъ того рождаемое есть плоть, естественное произведеніе чувственной природы: отъ того оно нечисто, а рожденіе его соединено съ болъзнями,—знакомъ осужденія Божія. Какъ чадо плоти и рождаемое находится подъ осужденіемъ и нуждается въ особомъ дѣйствіи освященія, которое и подается въ *искупленіи*. Такъ произошло то, что райское рожденіе дѣтей, имѣвшее быть благодатнымъ и благословеннымъ, утратило свою чистоту и благословеніе и осталось только рожденіемъ

¹⁾ Кн. 3 гл. 22, 4.

¹⁾ Послику власть діавола надъ падшимъ человѣкомъ раскрылась не вдругъ, не тотчасъ по паденіи, то наши богословы и не спѣшатъ говорить объ этой власти. Они говорятъ о ней въ ученіи объ Искушителѣ.

²⁾ О. Гагаринъ въ своей рѣчи „О непорочномъ зачатіи“ выражаетъ тотъ же взглядъ, когда говоритъ что рожденное дитя въ райскомъ порядкѣ жизни тотчасъ по рожденіи стало бы жить и жизнью благодатною, сверхъестественною.

плотскимъ. Почему для участія въ богатномъ царствѣ Христовомъ, или Божіемъ, потребовалось особое богатное дѣйствіе духовнаго рожденія, которое въ новомъ завѣтѣ и преподается въ таинствѣ крещенія. Такъ мы знаемъ теперь два рожденія: рожденіе *плотское* и рожденіе *духовное*; первое—отъ родителей, второе—отъ Бога.

Приложимъ сказанное къ данному вопросу и спросимъ: рожденіе св. Дѣвы было ли рожденіе *плотское* и *духовное* вмѣстѣ, въ порядкѣ райской первобытной жизни, или же оно было только *плотское*, по порядку жизни падшаго человѣчества? Совершилось ли оно въ *бользняхъ*, по приговору суда Божія, или было *безбользненно*, по порядку райской богатной жизни? нуждалось ли рожденное чадо въ послѣдствіи въ *рожденіи* еще *духовномъ*, или не нуждалось?

Если законъ первороднаго грѣха всеобщъ, то отвѣтъ понятенъ. Но чтобы онъ вполне соответствовалъ существу и истинѣ дѣла,—мы должны помнить, что хотя преслушаніемъ первыхъ людей утрачена была для всего падшаго человѣчества чистота рожденія, но тѣмъ не менѣе слѣды первобытнаго порядка въ човѣкѣ еще несовсѣмъ угасли, и вѣра въ обѣтованное сѣмя, положенная въ основу спасенія всего человѣчества, привлекала благодать Христову на вѣрующихъ и могла дѣйствовать благотворнымъ образомъ и на самые законы чадородія. Раскроемъ это подробнѣе.

Ветхозавѣтные вѣрующіе, особенно когда хранителемъ обѣтованія сдѣлался одинъ народъ израильскій, ревновали о продолженіи своего рода, чтобы въ своемъ потомствѣ имѣть, если не самое обѣтованное Сѣмя, —покрайней мѣрѣ Его современниковъ и участниковъ въ Его славѣ и блаженствѣ. Посему чадородіе они считали знакомъ благоволенія и благословенія Божія, а безчадіе, грозившее прекращеніемъ и забвеніемъ рода, знакомъ отверженія отъ Бога и какъ бы исключеніемъ изъ обѣтованія: надъ безчаднымъ смѣялись многочадные, и подвергали ихъ укоризнѣ и поношенію. „Мірѣ ветхозавѣтный ревновалъ о чадородіи,—учитъ блаженной памяти митрополитъ Филаретъ, въ своихъ знаменитыхъ проповѣдяхъ на праздники Богородицы,—а потому и о бракѣ, домогаясь родить Спасителя міра“. „Отъ первой жены Евы до св. Дѣвы, женскій полъ, такъ какъ и мужскій, служилъ закону брака въ чаяніи той награды, что рано или поздно произведетъ благословенное Сѣмя, которое сотретъ главу адскаго змія (Быт. 3, 17), и о которомъ благословятся вси языцы земніи¹⁾“. При такомъ взглядѣ вѣрующихъ на чадородіе, Промыслу Божію угодно было неплодство женъ

употреблять какъ воспитательное средство для возбужденія, укрѣпленія и возвышенія *оправдывающей вѣры* въ обѣтованное Сѣмя. Вѣра праведниковъ, желавшихъ, но не имѣвшихъ дѣтей, утверждала ихъ въ твердомъ упованіи на всемогущество Божіе, что Онъ силенъ и изъ омертвѣвшихъ ложесть произвести жизнь, обуздывала страстность ихъ природы, возвышала ее до нѣкоторой степени надъ чувственностію и, такъ сказать, одухотворяла взаимныя отношенія супруговъ. Такимъ образомъ вѣрующая чета, хотя и не могла стать выше общихъ законовъ поврежденной человѣческой природы и подняться до совершенной чистоты, но тѣмъ не менѣе, по силѣ своей вѣры, могла привлекать благоволеніе и благодать Божію и на свое чревоносимое и раждаемое чадо. Такъ по силѣ этой вѣры и твердаго упованія на всемогущество Божіе отецъ вѣрующихъ Авраамъ получилъ отъ неплодной жены своей Сарры, уже потерявшей надежду на чадородіе, наследника обѣтованія Исаака¹⁾. Такъ пр. Анна, жена Елкана, долгое время неплодная и поносимая за неплодство, горячею молитвою во храмѣ испросила себѣ разрѣшеніе неплодства и получила Самуила, пророка—судію, даваго Израилю царей. Такъ отъ праведныхъ Захарія и Елисаветы, неплодныхъ до старости, и до старости не престававшихъ молиться о дарованіи имъ чада, въ твердомъ упованіи на всемогущество Божіе, родился *большій изъ рожденныхъ женами*, св. Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ, который былъ исполненъ Духа Св. еще отъ чрева матери. (Лук. 1, 13. 15). Неплодствомъ же, какъ свидѣтельствуется преданіе, воспитана была вѣра и родителей св. Дѣвы Маріи, праведныхъ Іоакима и Анны. Эта вѣра, безъ сомнѣнія, низводила обильную благодать какъ на самыхъ родителей, такъ и на *плодъ* ихъ молитвы, на ихъ чадо, еще до зачатія въ мысляхъ уже принесенное и посвященное Богу. И такимъ образомъ если по вѣрѣ и благочестію праведныхъ Захарія и Елисаветы, Духъ Божій освятить ихъ плодъ молитвы, Іоанна, еще во чревѣ матернемъ, то тѣмъ свойственнѣе было совершиться такому освященію Той, Которая предназначалась быть Матерію Господа. Но это освященіе, само собою разумѣется, было относительное или преимущественное, но никакъ не безусловное; потому что ниспосылалось по вѣрѣ родителей, хотя и праведныхъ, но несовершенныхъ, и не обладавшихъ райской чистотой и неповрежденностію природы. Оно превосходило освященіе Іоан-

¹⁾ Римл. 4, 18 — 22. Ап. Павелъ говоритъ, что Авраамъ не поколебался въ обѣтованіи Божіемъ невѣріемъ, но пребылъ твердъ въ вѣрѣ, воздавъ славу Богу и будучи въ полнотѣ увѣренъ, что Онъ силенъ и исполнитъ обѣщанное. Поэтому и виѣнилось ему въ праведность.

¹⁾ Сл. и рѣчи митр. Филарета, Ч. I. стр. 384—5.

на, но настолько, насколько вѣра и праведность св. Анны могла превосходить вѣру и праведность Елисаветы. Въ этомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, Восточная Церковь воспоминаетъ и зачатіе прав. Анною св. Дѣвы и называетъ оное *святымъ* и преславнымъ¹⁾; — *святымъ*, потому что вѣра родителей привлекла на зачатый плодъ благодать обѣтованнаго Сѣмени, — и *преславнымъ*, потому что по вѣрѣ родителей Божіе всемогущество разрѣшаетъ долготѣнее неплодство и притомъ дарованіемъ такого дивнаго чада, которое должно было послужить величайшему чуду изъ чудесъ—воплощенію Сына Божія. Въ словѣ на Рождество Богородицы, которое неправильно приписывается св. Иоанну Дамаскину²⁾, проповѣдникъ спрашиваетъ: почему Дѣва-Матерь родилась отъ неплодной? и отвѣчаетъ; „Потому, что чудесами должно было приготовить путь къ единственной новости подъ солнцемъ, главнѣйшему чуду изъ чудесъ, и постепенно восходить отъ меньшаго къ большому. О блаженная чета Иоакимъ и Анна! Вся тварь обязана вамъ благодарностію. Черезъ васъ она принесла Творцу даръ всѣхъ даровъ драгоценнѣйшій, чистую Матерь, единую достойную Творца. Въ подлинномъ словѣ св. Иоанна Дамаскина тѣже мысли о вліяніи вѣры роди-

¹⁾ Въ такомъ взглядѣ на воздѣйствіе вѣры и благочестія родителей на чадородіе можно усматривать и внутреннюю причину установленія празднественныхъ воспоминаній зачатія Пресвятой Богородицы и св. Иоанна Предтечи. Св. Церковь хочетъ внушить христіанскимъ родителямъ, чтобы они въ супружескихъ отношеніяхъ возвышались надъ беспорядочными движеніями плоти и чтобы своею вѣрою привлекали благоволеніе Божіе на зарождаемыхъ и раждаемыхъ чадъ. Слѣдуетъ напоминать родителямъ, чтобы они смотрѣли на рожденіе дѣтей не съ точки зрѣнія чувственно-животныхъ отношеній. Отъ нихъ весьма много зависитъ судьба будущихъ поколѣній.

²⁾ Это слово издано вмѣстѣ съ словами Иоанна Дамаскина, но критика не признаетъ его принадлежащимъ ему. Тѣмъ не менѣе мы приводили изъ него свидѣтельство въ удостоеніе того, что въ Церкви такъ дѣйствительно понимается духовная связь родителей съ дѣтьми, связь вѣры первыхъ съ благоволительнымъ призрѣніемъ Божіимъ на послѣднихъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и другія выраженія этого слова, какъ напр. слѣдующія: „О всеблаженныя чресла Иоакима, изъ коихъ произошло святѣйшее сѣмя. О чистѣйшая утроба Анны, въ которой тихо зачался, образовался, и изъ которой родился плодъ святѣйшій! О чрево, носившее въ себѣ одушевленное небо, всѣхъ небесъ пространнѣйшее! О земля, принесшая обиліе хлѣба животнаго! О сосцы воздѣлившія Кормилицу Питателя міра! О чудо чудесъ! О явленіе всѣхъ удивительнѣйшее!“ Все такія и подобныя риторическія выраженія, конечно, нельзя принимать въ буквальный, безъотносительномъ смыслѣ. Это—обыкновенные риторическіе приемы, особенно того времени, выражающіе чувства уваженія и удивленія къ Богородицѣ, но не догматическія представленія. Поэтому на нихъ никакъ нельзя смотрѣть, какъ на точныя слова догматическаго вѣроопре-

делей на плодъ зачатія выражены слѣдующимъ образомъ: „Кто Ея отецъ и кто мать?“ спрашиваетъ св. Иоаннъ и отвѣчаетъ:” Это Иоакимъ и Анна, славная и всечестная чета слова, союзъ, который *священіе всѣхъ супружествъ*; потому что если вѣтвь превосходить все, то ужели корень не будетъ весьма подобнымъ Ей? Впрочемъ, растение, имѣющее хорошіе корни, столь величественное и прекрасное, было бесплодно. Чистѣйшій источникъ, — но неизливавшій потока: бѣдствія тяжкія, обстоятельства прискорбныя и горестныя! Чтоже? *воззваша праведнии и Господь услыша ихъ, и отъ всѣхъ скорбей избави ихъ.* (Пс. 33, 18).“¹⁾ Восточная Церковь высоко чтитъ родителей св. Дѣвы—Иоакима и Анну, — она усвоила имъ наименованіе *Богоотцевъ* и поминаетъ ихъ на всѣхъ отпустахъ дневнаго Богослуженія.

На основаніи сказаннаго можетъ быть данъ отвѣтъ вполне опредѣленный и вполне обстоятельный на выше поставленные вопросы. Восточная Церковь, называя св. Дѣву *плодомъ болъзней*, какъ мы видѣли выше, происшедшею отъ *тльныхъ ложесть*, или изъ *смертныхъ чреслъ*, тѣмъ самымъ даетъ понять, что происхожденіе Ея общее со всѣми людьми, что оно совершилось въ порядкѣ жизни падшаго челоука, подъ осужденіемъ: *въ болъзняхъ родиши чада*, и что слѣдовательно рожденное чадо хотя было исполнено Духомъ Св. еще отъ чрева матери, но тѣмъ не менѣе было причастно первородному грѣху и нуждалось въ *искупленіи* для совершеннаго исправленія природы, снятія осужденія и введенія въ царство Божіе. — „Хотя Марія есть сосудъ драгоценный и избранный, говоритъ св. Епифаній, тѣмъ не менѣе она женщина и одной природы съ другими. Благодать Божія возвеличила Ее,—такъ однакожъ, что Она не отличалась отъ другихъ смертныхъ образомъ своего рожденія“ (Loc. cit. adv. Collyrid. p. 5).

(Продолженіе будетъ).

Пр. А. Лебедевъ.

Обязанности сельскихъ пастырей Холмско-варшавской епархіи, какъ общественныхъ учителей народа.

(Рѣчь, сказанная на благочинническомъ сѣздѣ II холмскаго округа, 21 августа 1880 г.).

Шедше научите вся языки, крестьяне изъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. (Мат. 28, 19).

Возлюбленные во Христѣ братья!

Одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей пастыря Церкви Христовой составляетъ учительство народа,

дѣленія. Cursus compl. Patrolog. XCVI. col. 661—680. Слово первое.

¹⁾ Тамже. col. 680—698.

или проповѣдываніе народу слова Божія. Это народное учительство можетъ быть двоякаго рода: общественное и частное. Къ частному учительству относятся домашнія увѣщанія насомыхъ и наставленія преподаваемыя въ таинствахъ покаянія; къ общественному же относятся: церковная проповѣдь и преподаваніе въ училищахъ Закона Божія молодому поколѣнію. Мы не намѣрены сегодня говорить о частномъ учительствѣ; такъ какъ оно исполняется болѣе или менѣе удовлетворительно нашими пастырями словеснаго стада Христова; но вмѣсто того, обратимъ наше вниманіе на общественное учительство, которое у насъ еще не совсѣмъ правильно и успѣшно ведется.

Что общественная проповѣдь и наставленіе юношества въ первоначальныхъ истинахъ вѣры составляютъ непремѣнный долгъ пастырей Христовыхъ, объ этомъ едва-ли стоитъ долго тутъ распространяться, въ виду положительныхъ словъ Спасителя нашего Иисуса Христа, приведенныхъ въ началѣ нашей рѣчи. „Идите, сказалъ Христосъ къ своимъ Апостоламъ, научите все народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа; уча ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Спаситель нашъ ученію придаетъ первенствующее значеніе въ дѣлѣ апостольскаго служенія; ибо прежде повелѣваетъ учить, а потомъ уже священнодѣйствовать, т. е. крестить. Святой Апостолъ Павелъ не вмѣняетъ себѣ даже въ особенную заслугу того, что онъ постоянно проповѣдуетъ слово Божіе. Въ посланіи къ Коринѳянамъ онъ пишетъ: „Если я благовѣствую, то нечѣмъ мнѣ хвалиться,— потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую“ (1. Кор. 9. 16). Онъ если хвалится, то хвалится только тѣмъ, что благовѣтствуетъ безмездно, и не пользуется своимъ правомъ жить на счетъ тѣхъ, которымъ онъ благовѣтствуетъ. Въ посланіи къ Римлянамъ онъ приводитъ слова пророка Іоиля. „Всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется,“—и потомъ спрашиваетъ: „но какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали? какъ слышать безъ проповѣдующаго? И такъ, говоритъ онъ дальше, вѣра отъ слышанія, а слышаніе отъ слова Божія“. (Рим. 10. 13. 14. 17). Такимъ образомъ пастырскій долгъ, проповѣдывать слово Божіе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и пастырь не признающій за собою этого долга не достоинъ даже названія пастыря Христова. Мы видимъ, что въ римско-католической церкви проповѣдь составляетъ, такъ сказать, составную часть каждаго общественнаго богослуженія, и мнѣ не разъ доводилось слышать, съ

какимъ глубокимъ презрѣніемъ, съ какою проническою насмѣшкой отзывались поляки о православномъ духовенствѣ, которое будто бы никогда не говоритъ проповѣдей. Какъ ни преувелчены упреки поляковъ, а все таки приходится сознаться, что въ нихъ есть своя доля правды. Спрашивается, почему же это у насъ (я имѣю въ виду только холмско-варшавскую епархію), дѣло проповѣдничества находится въ такомъ жалкомъ состояніи? У насъ, слава Богу, не существуетъ этой предварительной цензуры, и мы должны быть глубоко благодарны нашему епархіальному начальству за то, что оно даровало нашей церковной каедрѣ эту важную льготу. Но у насъ есть другія причины препятствующія развитію церковнаго проповѣдничества. Первое и самое важное препятствіе въ этомъ отношеніи составляетъ у насъ языкъ, на которомъ мы должны обращаться къ народу съ церковной каедры. Народъ нашъ, какъ извѣстно, говоритъ, по большей части, болѣе или менѣе испорченнымъ малорусскимъ нарѣчіемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребляетъ въ разговорѣ чисто польскій языкъ. Слѣдовательно русскій литературный языкъ для него весьма мало понятенъ. Съ другой стороны, говорить проповѣдь съ церковной каедры на народномъ говорѣ почти нѣтъ никакой возможности. Во первыхъ потому, что говоръ этотъ въ разныхъ мѣстностяхъ разный бываетъ, а во вторыхъ потому, что на немъ, по скудости языка, не только какой-нибудь отвлеченной, но иногда даже самой простой мысли выразить невозможно. Кромѣ того, проповѣдникъ, желающій говорить проповѣдь на народномъ языкѣ, и не изучившій достаточно этого языка въ данной мѣстности, рискуетъ возбудить смѣхъ въ своихъ слушателяхъ, употребивъ въ проповѣди какое либо необычайное слово или выраженіе, что даже не рѣдко случается. И такъ спрашивается, на какомъ же языкѣ проповѣдывать нашему народу слово Божіе? Для разрѣшенія этого важнаго вопроса намъ слѣдуетъ принять во вниманіе не то, что есть теперь на лицо, но то что быть должно, что можетъ принести болѣе пользы нашему простолудину, и нашему отечеству. Однимъ словомъ мы должны смотрѣть на этотъ вопросъ не со своей узкой, партикулярной, но съ высшей, общегосударственной точки зрѣнія. Мы видимъ, что у насъ теперь, во всехъ училищахъ, все предметы преподаются на общерусскомъ языкѣ; слѣдовательно и народъ мало помалу къ этому языку привыкнетъ, и если не станетъ вдругъ говорить на немъ, то по крайней мѣрѣ будетъ вполне понимать его. Затѣмъ проповѣдь на русскомъ литературномъ языкѣ, ближе подходящемъ къ церковно-славянскому языку,

чѣмъ какое либо другое нарѣчіе, принесетъ народу еще и ту пользу, что онъ станетъ лучше понимать свой богослужебный языкъ; и такимъ образомъ самое богослуженіе сдѣлается для него болѣе доступнымъ и назидательнымъ. Поэтому, на мой взглядъ, нѣтъ никакой надобности употреблять въ проповѣди у насъ народный говоръ, а только пужно стараться, мало-помалу приучать народъ къ пониманію русскаго книжнаго языка? Я въ моемъ, до крайности ополченномъ приходѣ, употребляю для этой цѣли слѣдующіе приемы. Прежде всего цѣльныя поученія я произношу только въ торжественные праздники, и стараюсь выражать въ нихъ свои мысли самымъ простымъ и удобопонятнымъ, хотя и чисто русскимъ языкомъ. Во всѣ же воскресные дни я читаю катихизическія поученія, въ которыхъ систематически объясняю народу догматическое и нравственное ученіе православной Церкви, а также обряды и священную исторію, тоже на чисто русскомъ языкѣ, но съ непремѣннымъ объясненіемъ непонятныхъ словъ и выраженій народною рѣчью. Форма катихизическихъ поученій, раздѣленныхъ на вопросы и отвѣты, даетъ мнѣ полный просторъ для объясненія всего непонятнаго, и могу васъ увѣрить, возлюбленные о Христѣ братія, что слушатели мои никогда еще не жаловались на неудопонятность моихъ проповѣдей. Такимъ образомъ я приучаю моихъ прихожанъ къ пониманію русской книжной рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ преподаю имъ необходимыя христіанскія истины, о которыхъ они быть можетъ никогда не слыхали. Такъ какъ подобная форма поученій оказалась въ моемъ приходѣ на практикѣ весьма полезною и поддерживающею вниманіе слушателей, то я не могу здѣсь достаточно рекомендовать ее моимъ собратіямъ.

Другая причина, заставляющая иногда проповѣдника лишать свою паству духовнаго назиданія, лежитъ въ недостаткѣ у насъ подходящихъ пособій для церковной проповѣди. Разные *„сборники и поученія для простаго народа“*, издаваемые въ Имперіи, оказались совсѣмъ (?) непригодными для нашего народа, имѣющаго свои спеціальныя потребности, недостатки и заблужденія. Съ другой же стороны, нашъ приходскій священникъ не всегда можетъ найти достаточно свободнаго времени, а иногда, быть можетъ, охоты и научной подготовки для того, чтобы приготовить хорошую проповѣдь. Поэтому многіе изъ нашихъ пастырей прибѣгаютъ къ такъ называемымъ *„гомиліямъ“*, (бесѣдамъ) состоящимъ изъ перифраза дневнаго евангелія, съ выводомъ нравственнаго приложенія. „Гомилій“ эти говорятся, по большей части безъ всякаго приготовленія, экспромптомъ, и въ нихъ толкуется народу то, что Богъ положить на душу проповѣд-

нику, безъ всякой системы и порядка. Конечно, народъ нашъ не разборчивъ, и для него лучше послушать что-нибудь, чѣмъ ничего. Но такъ какъ въ подобныхъ „гомиліяхъ“ повторяется обыкновенно одно и то же изъ года въ годъ, а между тѣмъ опускается самое существенно важное, т. е. вѣроученіе православной Церкви; то само собою понятно, что подобныя проповѣди теряютъ со временемъ всякій интересъ въ глазахъ народа, и не приносятъ ему почти никакой пользы. Все это происходитъ отъ того, что, какъ мы сказали выше, у насъ нѣтъ еще подходящихъ пособій для проповѣдниковъ. Для устраненія этого недостатка, на нашъ взглядъ, было бы весьма полезно и цѣлесообразно, чтобы въ нашемъ епархіальномъ органѣ помѣщались, на послѣднемъ полулистѣ, лучшія проповѣди и катихизическія поученія мѣстнаго духовенства¹⁾. Живая проповѣдь пастыря, ознакомленнаго съ потребностями и недостатками здѣшняго народа и умѣющаго подобрать самыя убѣдительныя для него аргументы, могла бы скорѣе заинтересовать слушателей, подѣйствовать на ихъ убѣжденіе и привлечь къ церкви.

До сихъ поръ мы говорили о причинахъ, мѣшающихъ у насъ развитію церковной проповѣди, и старались, по мѣрѣ силъ нашихъ, устранить эти причины; намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о необходимости обученія молодого поколѣнія Закону Божию въ начальныхъ училищахъ или же въ церкви, въ тѣхъ приходоухъ, гдѣ нѣтъ училищъ. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, что въ то время, когда въ Пруссіи, Бельгіи, и Франціи ведется упорная борьба между духовенствомъ, стремящимся завладѣть школою, и правительствомъ, старающимся разными мѣрами устранить это духовенство отъ школы,—у насъ, напротивъ, духовенство, за малыми исключеніями, остается совершенно равнодушнымъ къ школьному преподаванію Закона Божія, не смотря на то, что у насъ доступъ въ школу для священника не только не воспрещается, но напротивъ того разными способами поощряется. На недостатокъ матеріальныхъ средствъ, заставляющихъ священника дорожить своимъ временемъ, мы жаловаться не можемъ, — у насъ полагается и вознагражденіе за законоучительство и блюстительство, найдутся учебники и пособія по Закону Божию; однакожь нерасположеніе

¹⁾ Редакція Х. В. В-ка съ готовностію будетъ печатать на страницахъ Вѣстника такого рода,—т. е. именно отличающіяся *мѣстными* характеромъ, приравленные къ быту и религіозно-нравственнымъ потребностямъ *возсодвинутыхъ отъ уни* крестьянъ,— проповѣди и поученія духовенства нашей епархіи. *Ред.*

нашихъ пастырей къ преподаванію Закона Божія, дѣло общераспространенное. Спрашивается, какія могутъ быть причины такого неотраднaго у насъ явленія? Причину этого печальнаго явленія мы находимъ во-первыхъ, въ недостаточно развитомъ сознаніи своего долга въ средѣ нашихъ пастырей,—а во вторыхъ въ несовсѣмъ правильной у насъ организаціи школьнаго дѣла. Если гдѣ, то у насъ по преимуществу, начальное училище имѣетъ громадное значеніе; потому что, кромѣ распространенія грамотности въ массѣ темнаго народа, оно является у насъ еще питомникомъ и расадникомъ русской народности и православія среди польско-католическаго населенія. Намъ предстоитъ перевоспитать цѣлое поколѣніе, вести правильно организованную миссію въ двоякомъ направленіи, то есть, по отношенію къ вѣрѣ и народности. Для достиженія этой двойной цѣли, начальное училище является почти единственнымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ. Ни одинъ истинный пастырь, ни одинъ честный патріотъ не долженъ забывать свой долгъ въ столь великомъ и святомъ дѣлѣ, хотя бы въ виду собственнаго, вѣрно понятaго интереса. Однакожъ до сихъ поръ мы почти ничего не дѣлаемъ въ школѣ, и намъ не разъ приходилось слышать жалобы крестьянъ на то, что ихъ дѣти, посѣщающія школу въ теченіе нѣсколькихъ зимъ, не знаютъ „русскихъ“ молитвъ. Конечно, преслѣдовать эту двойную цѣль, о которой мы говоримъ выше, въ начальномъ училищѣ, гдѣ обыкновенно собирается толпа шаловливыхъ мальчиковъ, не знающихъ ни слова по русски, дѣло весьма и весьма не легкое. Объ этомъ мы знаемъ по собственному опыту. Необходимы неимовѣрные усилія, христіанское терпѣніе, глубокая преданность дѣлу и горячій патріотизмъ со стороны пастыря, чтобы чего-нибудь добиться при такихъ условіяхъ. Но намъ должно быть извѣстно, что всякое начало трудно; и мы увѣрены, что трудъ нашъ не пропадетъ даромъ.

Другая причина равнодушія пастырей Церкви къ преподаванію Закона Божія скрывается, на нашъ взглядъ, въ неправильной организаціи нашихъ сельскихъ училищъ вообще. На малоуспѣшность этихъ училищъ часто жалуются и сами крестьяне; и этотъ неоспоримый фактъ находится, быть можетъ, въ тѣсной связи съ тѣмъ печальнымъ явленіемъ, что наши крестьяне повсемѣстно отказываются заводить новыя училища. Но предметъ сей выходитъ уже изъ круга нашей дѣятельности, и мы тутъ его ка-

саться не будемъ. Укажемъ лишь на то, что у насъ до сихъ поръ не опредѣлено съ точностію число недѣльныхъ уроковъ по Закону Божію, не указаны учебники и методъ преподаванія этого важнаго предмета, не заведенъ правильный контроль. Поэтому не удивительно, что при такихъ порядкахъ преподаваніе Закона Божія не подвигается впередъ. Для устраненія этихъ недостатковъ не мѣшало бы, намъ кажется, завести у насъ сѣзды законоучителей, какъ это водится въ другихъ епархіяхъ, и на этихъ сѣздахъ выработать подробную программу по Закону Божію, обязательную для всѣхъ. Затѣмъ въ заключеніе нашей рѣчи мы обращаемся къ пастырской ревности вѣрныхъ сыновъ Россіи съ просьбою, чтобы они, гдѣ нѣтъ училищъ, собирали дѣтей по домамъ или въ церкви для обученія ихъ молитвамъ и первоначальнымъ истинамъ вѣры Христовой, направляя главнымъ образомъ свою дѣятельность въ церкви на разъясненіе взрослымъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ римскій католицизмъ расходится съ православіемъ,—а въ училищѣ, — на развитіе въ сердцахъ юныхъ питомцевъ сознанія русской народности и любви къ своему великому и славному отечеству. Аминь.

Свящ. Θεодосій Будиловичъ.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Именной Высочайшій указъ правительствующему Сенату.— Опредѣленіе Святѣйшаго Синода: О злоупотребленіяхъ по производству сборовъ на нужды церквей въ нѣкоторыхъ епархіяхъ. — Объявленія и извѣстія: 1. Богослуженіе въ кобылянской церкви за упокой въ Бозѣ почившаго Государя Императора. 2. Освященіе церквей. 3. Награжденіе набедренникомъ. — Отдѣлъ II. Слово въ недѣлю Крестопоклонную, сказанное Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, Архіепископомъ Холмска-варшавскимъ въ Варшавскомъ кафедральномъ соборѣ 15 марта 1881 г. — Римскій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы, прот. А. Лебедева (продолженіе). — Обязанности сельскихъ пастырей Холмска-варшавской епархіи, какъ общественныхъ учителей народа св. Θ. Будиловича.

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.
Священникъ А. Будиловичъ.

Печатать дозволяется. — Варшава, 29 марта 1881 года. — Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская № 11.